

Чэнь Исунь — альфа, у которого не прошла дифференциация. По сути, он — бета. У него нет ни сил, ни права метить омегу. Иначе, если бы Сюй Сяочжэнь уже отмеченный Чжоу Янем, получил укус от Чэня, внутри него бы вспыхнула война феромонов. Он либо умер бы, либо оказался на грани.

Альфы — существа крайне эгоистичные, агрессивные, доминирующие до безумия. Они не терпят другого альфу на своей территории.

Поэтому в обычной ситуации они тщательно сдерживают феромоны — до тех пор, пока не захотят показать, кто здесь главный. Вызов на бой, иначе никак.

И по этой же причине ни один уважающий себя альфа не станет кусать чужого омегу. Это нарушение. Это оскорбление.

Даже если Чжоу Янь и не собирался брать ответственность за Сюй Сяочжэня — это уже был вызов. Открытый, дерзкий, почти личный.

Альфе плевать на оправдания. Его инстинкт не позволит ему это проглотить.

— Господин генерал, я бы крайне не рекомендовал вам это. Любое резкое движение — и нас засекут. Если они ударят первыми, мы не успеем ответить, — осторожно заметил Сохай, самый преданный слуга семьи маршала. Он считал своим долгом остановить молодого командира, которого прямо сейчас разрывало от ярости.

— Я сказал — иди! — голос Чжоу Яня срывался. — Ли Сюнь уже труп. Вся имперская армия теперь под командованием Гу. Ты думаешь, я испугаюсь нескольких ничтожных остатков их шайки?

Он ходил туда-сюда, сбивчиво, нервно — и в этом не было ничего от его прежнего хладнокровия.

— Я прошу вас сохранять хладнокровие. Ревность — плохой советчик.

Чжоу Янь врезал Сохаю ногой, тот рухнул на колени. Не успев подняться, получил каблуком в грудь.

— Это не ревность. Это — честь альфы, — прошипел он, нависая над ним. — Сейчас приказываю. Я хочу, чтобы он сдох. Посмел тянуть ко мне лапы?! Что за отброс...

Сохай нахмурился. Но возразить не посмел. Молодёжь слишком горячая. Слишком уверенная,

что знает, чего хочет. Когда-нибудь они поплатятся за это.

Что до Сюй Сяочжэня... Этот мальчишка — по-настоящему несчастный омега.

А Чжоу Янь, отослав Сохая, сел на ступеньках у двери и сжал грудь. В области сердца будто что-то сжалось. У альфы высшей ступени не может быть генетических отклонений. Болезни сердца — вообще не про них.

Он начал думать, не испортил ли себе гены, пока шатался по трущобам. Что-то вроде приступов стенокардии — боль, жгучая, резкая, будто изнутри выжигали.

Он сидел там долго, до тех пор, пока ветер не стал прохладным, как в предзимье. И только тогда вошёл в дом.

Сюй Сяочжэнь спал, глаза Чжоу Яня блестели в темноте, как у хищника. Он смотрел на него, не мигая. Он хотел встряхнуть его, разбудить и заставить говорить: что было между тобой и Чэнь Исунем? Кто начал? Ты хотел этого? Сам?

Как тогда, в свой первый раз, когда ты извивался у меня на руках...

Если бы тогда он задал всего один лишний вопрос... Или просто был чуть внимательнее — Сюй Сяочжэнь, может, никогда бы и не оказался у Чэнь Исуня. Сейчас он спал, не успев рассказать ни одного подробного слова, а Чжоу Янь уже буквально закипал изнутри — от злости, от бессилия, от того, что не мог повернуть всё назад.

Альфа — существо, стоящее на вершине генетической иерархии, и зрение у него соответствующее. В полумраке под лунным светом Чжоу Янь медленно наклонился к Сюй Сяочжэню, взял его за подбородок и внимательно изучил губы — бледные, слегка обветренные. Он всматривался в каждую линию, будто надеялся прочесть по ним ответ.

Они целовались? Он и Чэнь Исунь?

Когда Сюй Сяочжэнь очнулся, за окном уже давно наступила ночь. Шея ныла, особенно в районе укуса, и он машинально потянулся туда рукой. Пощупал повязку — вроде сухо, крови нет, и только тогда немного успокоился. Платить врачу он бы всё равно не стал — уж лучше истечь кровью, чем искать деньги на приём.

— Проснулся? — раздался рядом голос Чжоу Яня.

Он звучал грубовато и чуть охрипло — возраст давал о себе знать. Голос ещё только начал оформляться после ломки, и хотя обычно Чжоу Янь разговаривал либо на повышенных тонах, либо в раздражённой манере, сейчас его интонация была спокойной, почти мягкой. Это и насторожило.

Он протянул кружку с тёплой водой. Настоящей, кипячёной — не из-под крана.

Сюй Сяочжэнь заморгал, глядя на него с удивлением:

— Чжоу Янь... ты...

— Не болтай. Пей, — оборвал тот и сунул кружку прямо ему в руки.

Для Чжоу Яня это было равносильно подвигу. Он вообще не имел привычки делать что-то “по мелочи”, особенно — кипятить воду. Тем более — кому-то. А тут вскипятил, налил, подал. А тот ещё тянет.

Сюй Сяочжэнь поспешно поднёс кружку к губам, отпил, потом ещё — и залпом допил всё до дна. Улыбнулся — ярко, искренне.

— Сладкая, — сказал он. — Вкусная.

До метки Сюй Сяочжэнь был простым, почти беззаботным. Он много смеялся, искренне, с той самой своей хитрой ямочкой справа, где при улыбке обнажался маленький острый клык. Это придавало ему лукавую, почти детскую прелесть.

Чжоу Янь вдруг понял, что с последнего течного периода — это, наверное, первый случай, когда Сюй Сяочжэнь снова улыбается. В последнее время он либо плакал, либо смотрел в пол, будто стал тенью самого себя.

А ведь он и правда красивый, когда улыбается, — неожиданно для себя подумал Чжоу Янь.

Похоже, феромоны способны влиять не только на омег. Под их действием даже альфа может потерять контроль.

Чжоу Янь опустился ниже, тёплое дыхание встретилось с дыханием Сюя — горячее, сбивчивое, обволакивающее, как пар. Сюй Сяочжэнь отпрянул, рефлекторно втянув шею, но Чжоу Янь тут же перехватил его и притянул обратно, не дав уйти.

В воздухе повис слабый, еле уловимый аромат винограда. Он будто исходил от кожи, как вино, что ещё не забродило, но уже пьянит.

Оба не смотрели в глаза. Опущенные ресницы дрожали, а губы осторожно, почти боязливо, приблизились друг к другу. Лёгкое касание. Прикосновение было неловким, осторожным, как у детей, пробующих что-то впервые.

Они едва соприкоснулись — словно крыло стрекозы коснулось воды — и тут же отпрянули. В этом не было дикого желания, не было инстинкта течки. — это было первое, наивное, дрожащее чувство.

Луна в ту ночь казалась особенно красивой. Наверное, из-за неё всё это казалось таким невозможным и таким правильным одновременно.

Сюй Сяочжэнь набрался храбрости и посмотрел прямо на Чжоу Яня. Их взгляды встретились — и дыхание Чжоу сбилось, он снова наклонился, но теперь без стеснения. Поцелуй был хищным, без права на отступление, будто Чжоу Янь хотел впитать его в себя, слиться с ним до последнего вдоха.

— Мм... — Сюй Сяочжэнь откинул голову назад, не в силах сопротивляться. Воздуха не хватало, и он застонал сквозь поцелуй. Руки судорожно вцепились в рубашку Чжоу Яня, пальцы побелели от напряжения, а лицо вспыхнуло жарким румянцем. В глазах стояли слёзы — не от боли, а от ощущения, что его целиком заполняет это странное, тяжёлое, но сладкое чувство.

Он чувствовал во рту лёгкий вкус крови. Свой собственный. И это почему-то делало всё происходящее ещё ярче. Ему нравилось. Этот поцелуй был слишком острым, почти болезненным, но именно в нём — впервые — он почувствовал себя любимым. Или хотя бы нужным.

Может, в этот момент они и правда были влюблены. Или Чжоу Янь просто тронулся, поддался эмоциям. Но Сюй Сяочжэню было всё равно. Любая из этих причин казалась ему поводом для счастья.

Когда всё закончилось, Чжоу Янь тяжело дышал, прижимая его к себе. Сюй Сяочжэнь свернулся у него на груди, слушая учащённое, грубое дыхание у самого уха.

Оба были взъерошены, губы распухли и стали ярко-красными, особенно у Сюй Сяочжэня — настолько, что казалось, вот-вот хлынет кровь.

Но эта яркость, этот живой, влажный цвет наконец-то смыл с него прежнюю бледность.

Чжоу Янь и сам толком не понял, почему так поступил. Может, момент оказался подходящим, или просто всё сошлось, но он вдруг протянул руку и нащупал ладонь Сюй Сяочжэня, сплел с ним пальцы, крепко, до щелчка суставов.

Сюй Сяочжэнь ахнул, еле слышно, и тут же прижал ладонь к губам, будто испугался, что выдал себя. А потом, не в силах сдержать улыбку, прижался ближе, уткнулся в него носом, а мягкие каштановые волосы скользнули по шее Чжоу Яня, щекоча кадык.

Чжоу Янь невольно провёл рукой по его голове — легко, почти рассеянно.

— Держись подальше от того психа, понял?

Он не называл имени, но оба знали, о ком речь. Чжоу Янь подумал, что раз всё равно скоро уезжает, можно позволить себе немного мягкости. Сделать так, чтобы у Сюй Сяочжэня остались хорошие воспоминания.

Мальчишка ведь давно к нему неровно дышал — он знал это. Так почему бы не обойтись без скандалов? Без слёз, криков и взаимной злости?

Если уже расставаться, то лучше красиво. Потом, может, когда-нибудь — лет через десять, если случайно встретятся — смогут спокойно сесть за чашкой кофе и вспомнить это всё как нечто светлое.

Решение, которое он так долго откладывал, вдруг обрело простую, почти благородную форму. Чжоу Янь даже почувствовал, что поступает по-взрослому.

— Хорошо! Конечно! — Сюй Сяочжэнь светился от радости. Его глаза блестели. — Чжоу Янь, ты ел сегодня? Голоден? Я сейчас что-нибудь приготовлю — подожди чуть-чуть, ладно?

Вот так просто его обрадовать. Один поцелуй, немного тепла — и он уже весь светится. Послушный, счастливый.

Чжоу Янь кивнул, позволяя себе с комфортом принимать внимание. Неожиданно для него самого, атмосфера между ними впервые за долгое время стала по-настоящему спокойной. Почти тёплой.

Он больше не поднимал тему с Чэнем Исунем, хотя каждый раз, когда вспоминал об этом, его передёргивало. Но он ведь не собирался жениться на Сюй Сяочжэне. И не собирался быть с ним навсегда.

Так что... если Чэнь Исунь уже мёртв, можно просто вычеркнуть это из памяти. Как будто ничего и не было.

Сюй Сяочжэнь, в свою очередь, был уверен, что Чжоу Янь ему доверяет. Раз не спрашивает — значит, простил. Значит, можно жить дальше.

И в последние дни это «дальше» стало вдруг заметным для всех. Даже в школе: кто-то уже шептался, что между тем таинственным Чжоу Янем и Сюй Сяочжэнем, кажется, что-то происходит.

Иногда Чжоу Янь, идя вперёд по коридору, неожиданно оборачивался. Позади, почти ссутулившись, семенил Сюй Сяочжэнь — серенький, незаметный, как мокрая мышка. И в тот момент, когда их взгляды встречались, оба вдруг улыбались.

Иногда можно было увидеть, как Чжоу Янь и Сюй Сяочжэнь идут вместе. Это уже никого особенно не удивляло — после того случая у школьных ворот, когда Чжоу спас его, сближение казалось логичным.

Но всё равно оставался один вопрос: почему именно Сюй Сяочжэнь? Почему тот самый Чжоу Янь, которого побаивался даже Чэнь Исунь, вдруг стал его защитником?

Сюй Сяочжэнь слышал школьные сплетни. Говорили, мол, Чжоу Янь из Среднего или даже Верхнего уровня, с могущественной семьёй за спиной. Мол, если даже Чэнь Исунь не рискует идти на прямой конфликт, значит, и сам Чжоу Янь, скорее всего, альфа, да ещё и способный драться на равных. Может, тоже “провалившийся” альфа, как Чэнь.

Каждый раз, когда Сюй Сяочжэнь слышал подобное, он только вздыхал. Людское воображение действительно не знает границ. Никто, кроме него, не знал, что Чжоу Янь — просто обычный бета, без семьи, без связей, без особых возможностей.

Но он не собирался опровергать слухи. Наоборот — эти домыслы только играли Чжоу Яню на руку. Благодаря им к нему относились с уважением, даже с осторожностью, а значит — не трогали.

С тех пор как Чэнь Исунь после ранения перестал появляться в школе, Сюй Сяочжэнь почувствовал настоящее облегчение.

Хорошо бы он вообще никогда больше не вернулся. Тогда никто не узнает о том, как он — Сюй Сяочжэнь — стоял перед ним на коленях и унижался. Если это останется между ними — всё будет по-прежнему.

Никто больше не задирает его, а Чжоу Янь становится всё мягче. Сюй Сяочжэнь почти привык к этой неожиданной доброте. Он как будто погрузился в тёплый мёд: мир стал слаще, ярче, безопаснее.

Он даже начал позволять себе больше — мог, например, в коридоре послать Чжоу Яню взгляд, полный смысла. А по вечерам тот порой ждал его в переулке, в нескольких кварталах от школы, чтобы идти домой вместе.

Если Сюй Сяочжэнь задерживался, Чжоу Янь хмурился, но голос его был почти ленивый, почти домашний:

— Чего ты возишься? Я тут уже вечность стою.

Это всё было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Казалось, ещё немного — и всё это рассыплется, как мыльный пузырь.

Сюй Сяочжэнь оберегал своё счастье, как мог.

Он мечтал — пусть немного наивно — что поступит в университет, не в Имперский, конечно, до него не дотянуться, но всё же. Главное — вместе с Чжоу Янем. Потом они поженятся. И будут рядом — всегда.

Но Чэнь Исунь не из тех, кто исчезает без следа.

В один из вечеров, когда уроки уже закончились, Сюй Сяочжэнь шел домой, просчитывая в уме оставшиеся на месяц расходы. Вдруг кто-то громко закричал у него за спиной.

— Сюй Сяочжэнь!

— Сюй Сяочжэнь!!

Голос был сорван, надтреснут. В каждом звуке — отчаяние, боль, как будто кричащий изливал последние силы.

Сюй Сяочжэнь узнал его сразу. Это был Чэнь Исунь.

Тело сжалось. Он едва успел обернуться, как в спину ударила тяжесть. Его повалило на землю. Сверху навалился кто-то, и Сюй Сяочжэнь почувствовал на себе всю силу чужого тела.

Чэнь Исунь.

Он выглядел ужасно — измождённый, с рванными краями одежды, в пятнах крови. Раны под одеждой лопнули, кровь сочилась без остановки, капала на тротуар, оставляя алые следы. Всё тело будто пропитано болью и злостью.

Но глаза остались такими же. Тёмные, яростные, настороженные. Глаза зверя, которого загнали — но который всё ещё опасен.

Сюй Сяочжэнь ещё не успел ничего сообразить, как в следующий момент почувствовал резкую, пронзительную боль — кто-то впился зубами в шею, прямо в железу. Он закричал, громко, испуганно, почти в истерике, и стал отталкивать нападавшего, но, вспомнив, на что способен Чэнь Исунь, едва не выругавшись, сдержался, проглотив грубое слово на вдохе.

Чэнь Исунь, ослабленный, пошатнулся и действительно отступил — он не ожидал, что Сюй

Сяочжэнь сможет его оттолкнуть. Шаг за шагом, неровно, он отступил назад, держась за ребра.

Чжоу Янь не мог поверить в происходящее. Он был уверен, что Чэнь Исунь давно под контролем — и уж точно не ожидал, что тот снова доберётся до Сюй Сяочжэня. И не просто доберётся, а снова укусит его, в ту самую точку.

Не раздумывая, он шагнул вперёд, схватил Чэня за ворот рубашки и потянул на себя — напряжение мгновенно сгустилось, готовое в любую секунду вылиться в драку.

Но в это же мгновение к школьным воротам подкатила чёрная машина, из неё быстро выскочили несколько мужчин в чёрной форме — слаженно, без суеты. Не тратя слов, они подхватили Чэня, выкрутили ему руки за спину, прижали лицом к капоту, заблокировали каждый возможный рывок. Один из них коленом вдавил его спину вниз, пока остальные закрепляли фиксаторы.

Чэнь Исунь задыхался, его горло с трудом выдавало из себя не слова, а почти звериный рык, хриплый, надрывный, полный ярости. На шее, под короткими волосами, проступил тёмный тату-узор — чёрные линии вспыхнули, будто выжженные по коже, извиваясь от уха вниз по шее. Вид у него был пугающий: одежда порвана, на ткани — кровавые пятна, лицо перекошено, как у дикого зверя, пойманного в клетку. Ученики испуганно отступили, кто-то убежал прочь, кто-то просто замер на месте, наблюдая издали.

Только Чжоу Янь стоял близко — достаточно близко, чтобы услышать, что тот всё-таки говорит.

Чэнь Исунь стиснул зубы, скрежет стоял в ушах, каждое слово будто выдавливалось сквозь боль, злость и ненависть:

— Рано или поздно... я убью тебя.

Чжоу Янь чуть приподнял бровь, не отводя взгляда, и, не скрывая удовольствия, схватил его за волосы, дёрнул назад, заставив посмотреть ему в лицо.

— Ты хоть на коленях доползи до вершины, всё равно будешь видеть только мои ботинки, — усмехнулся он. — Жалкий. Тебе давно пора сдохнуть.

Лицо Чэня исказилось, брови сошлись, губы скривились в странной ухмылке, и он вдруг рассмеялся — коротко, хрипло, с насмешкой. Острые, почти звериные зубы поблескивали, когда он процедил сквозь смех:

— Если ты такой крутой — убей меня сейчас.

От его голоса, от этого безумного смеха у Чжоу Яня закипала кровь. Он едва не кинулся вперёд, чтобы раз и навсегда выбить из него всё, что осталось. Но чёрные костюмы уже жёстко его оттеснили, не дав сделать ни шага. Чэня затолкали в машину. Он всё ещё дёргался, рычал, но вырваться уже не мог.

Школьный двор снова наполнился гулом. Шепотки. Перешёптывания.

— Говорят, он убил родного брата. Точнее, сводного.

— Ага, я слышал, тот был единственный альфа среди всех бастардов его отца. Все надежды были на него. А теперь всё — погиб. Убит этим... недоразвитым.

— Всё, ему конец. Говорят, его отец — такое чудовище, что даже своих родителей убил. В этот раз Чэнь Исунь точно не выкарабкается, — шептал кто-то из учеников, наблюдая, как машина с чёрными стеклами скрывается за поворотом.

Сюй Сяочжэнь не слышал, что именно сказал Чжоу Янь Чэню перед тем, как его увезли. Но он точно видел, как тот, уже скрученный и удерживаемый, повернул голову и беззвучно шевельнул губами в его сторону:

— Жди меня.